

В ПОИСКАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МИРА.

Редакционное примечание.

Помещаем статью О. Сарматова, заключающую весьма содержательный обзор европейских и американских мероприятий «в поисках общественного мира». Многие концепции О. Сарматова близки евразийцам (ощущение неразрешимости до конца социального вопроса, цениение духовной культуры, взгляд на постановку и значение народного просвещения). Но в одном существенном вопросе воззрения евразийцев расходятся со взглядами О. Сарматова: в отношении к началу этатизма (государственного хозяйства). Государственное предпринимательство (государственное хозяйство) евразийцы считают одним из неустранимых и необходимых (в условиях России-Евразии) элементов социальной системы, в ее применении к промышленной жизни (элементом необходимым, но не единственным, что и подчеркнуто в евразийской концепции). Этому вопросу отчасти уже посвящены, отчасти будут посвящены в дальнейшем особые работы в евразийских изданиях.

П. Савицкий.

В течение десятилетий народы наслаждались миром, а редкие местного характера войны, не нарушая покоя всего человечества, лишь напоминали поколениям о том счастье, которое Провидение им подарило. Народы работали, преумножали свое национальное достояние, слово «прогресс» было у всех на устах, казалось, что и вправду «все к лучшему в этом лучшем из миров», как говорил Лейбниц, и никто не думал, что именно огромные видимые успехи приуготовляют, если не гибель мира — этого старого мира — то по крайней мере страшные потрясения, исхода коим не видно еще и в наши дни. Прогресс материальный и однобокий привел к войне, война обострила старые внутренние противоречия, с коими раньше, при общем успехе, человечество кое-как справлялось, а дни подведения итогов минувшим безумством вскрыли несостоятельность европейских идолов — капитализма, социализма и их отца — материализма.

Язвы капитализма всем известны и ныне уже никто не считает его совершенством; социализм же некоторые все еще продолжают идеализировать (это преимущество мечты перед действительностью) — приписывая переживаемое Россией не социализму, а недостаткам московской власти. Как бы капитализм и социализм ни были далеки от совершенства — за отсутствием лучшего, общество делит между ними свои симпатии.

Антагонизм между приверженцами капитализма и социализма обострился до крайности; в борьбу вовлечены массы, как рабочих, так и буржуазии; в парламентах таких промышленных стран, как Англия и Бельгия, защитники старого социального порядка и сторонники «будущего» подмяли под себя промежуточные элементы, силы сосредоточились в консервативной и рабочей партии, а центральные — либеральные растаяли; схватки между антиподами становятся все более настойчивыми, упорными и изнурительными не только для сторон, но и для наций; незнающий безраздельного господства ни капитализма, ни социализма, современный цивилизованный мир страдает не только от язв обеих борющихся и одновременно

прилагаемых систем, но и от последствий социальной войны; в этих условиях понятно стремление многих к нахождению компромисса между капитализмом и социализмом и к умирению таким образом общества.

Верные марксистской доктрине рабочие мира не ищут, и в борьбе стремятся обрести свое право, все свое право, они идут по пути «научного социализма», защитниками же компромисса являются некоторые работодатели, — в своем стремлении охранить свои прерогативы, готовые хотя бы частично, идти на сделку капитализма и социализма. На деле люди эти вступают на путь социализма то «утопического», то «реформистского». С ними вместе часто выходят на этот путь представители либеральных профессий приспособляющиеся к обстоятельствам профессиональные политические деятели и некоторые умеренные группы рабочих. На этот путь вступили отдельные промышленники, вступили и парламенты и правительства некоторых стран.

В русской среде капитализм никогда не привлекал общих и горячих симпатий, а ныне, после эксперимента, проделанного над нашей родиной, изрядно развенчан и социализм, и потому мысли многих направлены к изысканию чего-то третьего, может быть промежуточного, а может быть и самостоятельного. Лень — одно из основных свойств человеческой природы — и недостаток творческих способностей — нас часто толкают к замене творчества заимствованием, а потому для стоящих себе вопрос — если не капитализм и не социализм, то что-же третье? — естественно наброситься на иностранные словечки, вроде *copartnership*, *participation ouvrière aux bénéfices et à la gestion*, *Arbeitskontrol* и т.д. и в них обрести желанное успокоение.

Как бы ни были интересны и поучительны мероприятия в видах достижения социального мира, осуществляемые, как добровольно и по частной инициативе, так и по велению публичной власти, и как бы ни была интересна и поучительна история их развития, я ограничу свою задачу суммарным очерком, предполагая осведомленность читателя по крайней мере в важнейших фактах.

Я буду иметь в виду те методы разрешения конфликта между капитализмом и социализмом, на коих сосредотачиваются наши современники, но мне все же придется коснуться методов, которыми раньше многие увлекались — они значительно категоричнее, а потому в них выпуклее выступают основные тенденции. Я приведу также несколько соображений общего характера, не взирая на их элементарность и известность: — мне придется в дальнейшем часто на них ссылаться.

Организация производства в капиталистическом обществе принадлежит, как известно, капиталу, труд же покупается, как материал производства, т. е. как товар. Владелец капитала — хозяин предприятия, а рабочий — наемный. Рабочий, внесший в производство свой труд получает компенсацию в виде заработной платы (поденной или сдельной), хозяин же за внесенный им капитал — прибыль или убыток. Упоминание об убытках звучит странно, но оно отвечает действительности, напротив же умалчивание о них ведет к ряду недоразумений и к неправильным заключениям.

Замысел и устройство предприятия лежит на хозяине, на нем же лежит и весь риск — ему же принадлежит возможная (sic!) прибыль. При современном культурном уровне человечества это единственно действительный импульс предприимчивости, именно благодаря ему создано и развилось производство и в этом оправдание (со стороны экономической целесообразности) предоставления хозяину права на возможную прибыль. Россия с ее промышленностью, и ранее слабо развитой, а ныне истрепанной и разрушенной войною и революцией особенно нуждается в поощрении предприимчивости. В нынешнем положении — инстинкт наживы — важнейший рычаг для воссоздания и развития производства.

С моральной стороны положение представляется более сложным. Едва ли может быть признано несправедливым в идее вознаграждение хозяина за вложенный им в производство капитал и в особенности за риск, которому этот капитал подвергается, но нас коробит незаслуженная прибыль хозяина, обязанная иногда колебанию рыночных цен на материалы и товары, иногда курсу на местную и иностранные валюты и иногда даже народным бедствиям. При этом, конечно, надо иметь в виду, что в такой же мере хозяин может нести и незаслужен-

ные убытки, а также не следует забывать и тех специальных мер, которые государственная практика выработала для улавливания так называемых сверх-прибылей. Тем не менее образ сытого хозяина (разорившийся хозяин никого не интересует и, можно сказать, что он уже не хозяин) и голодный лик рабочего настолько поражают воображение и человеческую совесть, что многие все же почитают хозяйскую прибыль — грабежом (социалисты,) а Толстой и за ним Махатма-Гандхи — тяжким грехом (убытки же не почитаются ни грабежом, ни грехом — о них забывают).

В капиталистическом обществе также мыслима организация производства по иной схеме, чем изложенная выше, а именно по трудовой, а не капиталистической. В противоположность последней в трудовой схеме организация производства принадлежит труду, капитал же наемный. Эта схема положена в основание производственных кооперативов. За пользование наемным капиталом владелец его вознаграждается определенной платой (поденной или иной), а труд — прибылью или убытком.

Часто трудовой производственный кооператив совершенно не обладает своим капиталом (трудовая артель), при наличии же своего капитала, кооператив тем более приближается к товариществу, чем больше имеет значения в его деятельности капитал по сравнению с трудом.

Попытки насаждения производственных кооперативов за границей потерпели полную неудачу (я не привожу статистических данных, предполагая, что читатель с ними знаком). Производственные кооперативы трудового типа (без капитала или с малым капиталом), вообще говоря, недолговечны и неукоснительно гибнут. Большую жизнеспособность проявляют кооперативы с малым числом участников и со значительным капиталом, т. е. товарищества, только называющие себя кооперативами.

В числе производственных кооперативов обращают на себя внимание своей долговечностью рабочие кооперативы «Nation» в бельгийских портовых городах.¹⁾ Еще в XIII веке существовали фламандские корпорации рабочих «Kraan-Kinderen», (дети подъемного крана), пользовавшиеся монополией на нагрузку и разгрузку кораблей. Утратив в XVI веке законный титул на монополию, они фактически продолжали ею пользоваться до наших дней в виду заслуженного веками доверия клиентов. Этот факт все же не может поколебать нашего недоверия к жизнеспособности трудовой кооперации, ибо успех в данном случае покоится на монополии — сперва легальной, а потом фактической. Но мало того, эти корпорации скорее являются товариществами, чем кооперациями, ибо они обладают значительными капиталами и пользуются наемным трудом.

После многочисленных попыток в течение десятков лет вызвать к жизни производственные кооперативы казалось, что идея трудовой кооперации похоронена на веки, но в тяжелой после-военной атмосфере вновь была сделана крупная попытка, а именно в Англии была учреждена «Строительная Гильдия».²⁾ Рабочие должны были подчиниться избранной ими администрации и техническому персоналу, но... сверх того они избрали «soviet», вступивший в конфликт с администрацией... нужно ли говорить о постигшей гильдию судьбе?

За границей трудовая кооперация продолжает существовать, но в ничтожном размере и то только в самых мелких производствах, в крупных же производствах нигде и никогда.

В России в некоторых отраслях труда кооперация оказалась более живучей, чем на Западе. Число «грабарей», занятых на крупных земельных работах, было очень велико. Артели грабарей образовывались из членов одной семьи или односельчан (особенно были известны черкасские грабари) и вероятно этому можно приписать их прочность. Также много было артелей плотников (вятских и др.), каменщиков (калужских и др.) и прочих строительных рабочих. Были артели горнорабочих (черниговские, орловские и др.). Капитал, если и был в этих артелях, то он был ничтожным и принадлежал не артели, а ее членам (инструменты, повозки, лошади и т. д.).

Крепко держался также обычай работать артелью у старателей (золотоискателей)

¹⁾ Les sociétés cooperatives en Belgique 1873-1922. Bruxelles. 1924. Ministère de l'Industrie et de Travail.

²⁾ Pierre Lucien-Brun. Cogestion et controle des ouvriers dans les entreprises industrielles. Paris 1924.

на Урале и в Сибири. Старательская работа при скудости артельного капитала и ограниченности числа членов артели не переводилась благодаря специфическим обстоятельствам ей (старательской работе) благоприятствовавшим.

Необходимо указать на успехи кооперации в сельском хозяйстве. Достаточно вспомнить развитие сельско-хозяйственных союзов в Старом и Новом Свете и в частности маслобойных союзов в Сибири, чтобы обнаружить значительность этих явлений. Все же следует иметь в виду, что в области сельского хозяйства развиваются те виды кооперации, целью которых является не совместная работа, а эксплуатация машин для частно-хозяйственных целей (трактора, молотилки, маслобойного станка и пр.). Такого рода кооперация в наше поле зрения не входит, как так нас интересует лишь та производственная кооперация, что может в идее встать на место хозяина в капиталистической организации производства.

Каковы причины неуспеха трудовой кооперации? — :

- а) антагонизм частного интереса с общим и отсутствие авторитетной администрации в производстве (см. выше о «строительной гильдии» в Англии),
- б) недостаток капитала и кредита,
- в) трудность объединения большого количества рабочих с надлежащей подготовкою и с достаточными денежными средствами для ведения крупного производства,
- г) невозможность выдержать конкуренцию крупных предприятий капиталистического типа.

Некоторые из наших соотечественников, не приемлющие ни социализма, ни капитализма, надеются найти выход из тупика в исключительном поощрении развития кооперации при помощи широкого государственного кредита или, как иногда безграмотно выражаются, путем развития «государственной кооперации».

Если бы кредит был коммерческим, то он открывался бы в соответствии с материальным обеспечением и следовательно при скудости кооперативных капиталов он был бы ничтожным. Но, конечно, мечтающие о «государственной кооперации» имеют ввиду кредит политический, т. е. открытие кредита кооперативам преимущественно перед капиталистическими предприятиями, вопреки тому, что в первом случае он лишен материального обеспечения, а во втором он им обладает. Это — политика поощрения промышленной бедноты. Для защитников свободной конкуренции такой порядок, разумеется, неприемлем, но мало того, он должен быть признан неосуществимым. Политический кредит может быть осуществим (при том лишь в идее) только за счет государственного, а не частного капитала. Чтобы поощрение производственной кооперации было действительным, должно бы снабжать ее не только оборотными средствами, но и средствами на оборудование (деньгами или в натуре). Образование столь крупного государственного кооперативного фонда ныне не по плечу ни одному из государств, а тем мене России с ее пустым сундуком и с истрепанным заводским и транспортным оборудованием. Россия в праве рассчитывать на иностранный кредит, но таковой может быть оказан для производственных целей не государству, а частному предпринимателю.

Организация необеспеченного (NB!) государственного кредита потребовала бы многих тысяч сведующих и честных чиновников, иначе государственный кооперативный фонд был бы в короткое время расхвачан и этим все дело и кончилось бы — я спрашиваю себя, кто из здравомыслящих политических деятелей согласился бы взять на себя при современном культурном упадке ответственность за широкую организацию необеспеченного кредита? —

Скажу еще, что «государственная кооперация», вообще говоря, (а не в виде исключения) не в состоянии устранить антагонизм между капиталом и трудом — поскольку она промышленного, а не кустарного характера, она принуждена обращаться к труду наемному.

Еще один шаг от «государственной кооперации» вперед и мы подойдем к этатизму (государственному хозяйству). Принципиальная разница между «государственной кооперацией» и этатизмом заключается в том, что в первом случае распорядителем производства является кооператив, а во втором — непосредственно государство, но в обоих случаях капитал — государственный. Эта разница существенна, т. к. в условиях «государственной кооперации» распорядитель-чиновник заменен распорядителем-кооперативом, жаждущим наживы за счет государства и наемных рабочих. Это стимул, которым пренебрегать нельзя,

но вместе с тем надо иметь в виду, что при наличии этого стимула антагонизм между кооперативом и наемным рабочим тот же, как и в капиталистическом предприятии.

Симпатии рабочих к этатизации объясняются тем, что настойчивый и бережливый хозяин заменяется в производстве слабо заинтересованным в его успехе чиновником, но именно в этом то и лежит корень несостоятельности казенного хозяйства. Теоретически антагонизм между капиталом и трудом не устраняется с замещением в производстве частного владельца государством, ибо интересы сторон остаются в такой же мере противоположными, меняется лишь моральный облик отношений, т. к. в государственном предприятии отсутствует инстинкт личной корысти. С другой стороны положение рабочего может стать совершенно бесправным, т. к. в данном случае работодатель обладает публичной властью.

Если инвестирование Германии и Бельгии иностранными капиталами ныне обуславливается дезэтатизацией (разгосударствлением) железных дорог, то России нечего и думать о получении капиталов для государственного ведения хозяйства. Промышленность и транспорт получают иностранную финансовую помощь в лице частных обществ и лиц, а правительство вероятно получит ее тоже, но исключительно для приведения в порядок администрации и, может быть денежного обращения.

Производство будет восстанавливаться и развиваться за счет частной инициативы и частного капитала,³⁾ а потому среди мер устранения антагонизма между трудом и капиталом для нас, русских, представляют практический интерес только те из них, что совместимы с частно-хозяйственной организацией производства.

До перехода к анализу мероприятий этого рода, я считаю нужным, пока в качестве моего личного мнения, отметить их несостоятельность, и даже больше, их заведомую не состоятельность. Антагонизм между хозяином и рабочим так же неустраним, как между покупателем и торговцем. Антагонизму между последними нет места в условиях идеального самодовлеющего хозяйства, т. е. когда нет ни покупателей, ни продавцов, а человек сам производит нужные ему предметы. Антагонизма между хозяином и рабочим может не быть только при совмещении ролей хозяина и рабочего в одном лице или в нескольких подобных друг другу лицах, — в первом случае мы возвращаемся к тем временам, когда по выражению Махатма-Гандхи «каждый индус сам ткал себе одежды», а во втором мы вступаем на путь экономически нецелесообразной производственной кооперации (к тому же, как мы видели в кооперативе также наблюдается антагонизм — между членом и коллективом). Идея устранения антагонизма между трудом и капиталом неосуществима при условии сохранения капиталистической организации производства, а потому все мероприятия ее преследующие, обречены на неудачу и практически сводятся к частичному смягчению антагонизма путем частичного ущербления принципов капиталистической организации производства, при чем антагонизм смягчается в той мере, в какой ущербляются эти принципы.

Для уяснения действительности этой неперенной зависимости мы представим себе конфликт между рабочими и хозяином сперва в предприятии чисто хозяйском, а потом в предприятии, половина капитала коего отчуждена в пользу рабочих (не входя в природу отчуждения). Рабочие, зарабатывающие 10 мил. франков в год, требуют 10-ти процентной прибавки к тарифам, — хозяин же упирается. В первом случае спорная сумма определяется в 10 мил., $\times 0,1 = 1$ мил., фр., а во втором всего в 500 тыс. фр. — она уменьшается в два раза, т. к. с увеличением заработка рабочих на 1 мил. фр. их доля в прибылях уменьшилась бы на 500 тыс. фр. Измеритель антагонизма уменьшился на половину, т. е. в той же пропорции в какой был отчужден капитал. Как бы ни были сложны многообразные методы смягчения антагонизма между капиталом и трудом путем заинтересования рабочих в успехе предприятия, все они сводятся к вышеизложенной примитивной схеме, как, надеюсь, читатель убедится из дальнейшего.

Мероприятия, направленные к устранению антагонизма между трудом и капиталом не всегда заключаются в отчуждении части последнего, а часто в отчуждении прав, вытекаю-

³⁾ Можно думать даже, что казенные предприятия императорской эпохи и те из национализированных предприятий, что не будут возвращены бывшим владельцам, окажется нужным продать или по крайней мере отдать в аренду частным обществам.

щих из обладания производственным капиталом, и в этих случаях отчуждение прав никогда не сопровождается отчуждением обязанностей—в частности с предоставлением труду участия в прибылях на него не возлагается участие в убытках, так же как участие рабочих в управлении предприятием — их право, а не обязанность.

Отчуждение части производственного капитала (или некоторых прав, связанных с обладанием им) бывает безвозмездным или возмездным. Что следует понимать под безвозмездным отчуждением, сомнений возникнуть не может, напротив термин возмездного отчуждения нуждается в объяснениях. Иногда рабочие приобретают на обще-коммерческих основаниях акции того предприятия, в котором работают, платя за них своими личными и добровольными сбережениями и получая акции в свою личную собственность (в 1920 г. рабочим South Metropolitan Gas Company в Лондоне принадлежало на 70.000 £ акций, таким образом приобретенных, ⁴⁾ — такого рода порядок отчуждения бесспорно возмезден. В Европе, вообще говоря, приобретения рабочими из своих сбережений акций в широком масштабе не наблюдается, а в Америке, где рабочие имеют возможность делать значительные сбережения и где они имеют вкус к приобретению промышленных ценностей, они все же предпочитают приобретать акции не своего, а чужого предприятия во избежание конфликта своих интересов — как рабочего и как совладельца. Как правило, рабочий не хочет быть заинтересованным в успехе того предприятия, в котором он работает, т. е. не хочет того, к чему стремятся занимающие наше внимание мероприятия. Поэтому некоторые хозяева желают заинтересовать своих рабочих в своем предприятии, предоставляют рабочим особые льготы по приобретению акций. Например комитет треста United States Steel Corporation в 1902 году предоставил рабочим и служащим 25.000 акций по 82,50 долл., вместо 100 дол. номинальных, а в 1909 г. предоставил дополнительно 15.000 обыкновенных акций и 18.000 привилегированных, гарантировав минимум дивиденда.⁵⁾ В данном случае, как и в подобных ему, возмездность на самом деле только частичная. Другие хозяева увеличивали тарифы с условием приобретения рабочими акций или устанавливали отчисления от прибылей в пользу персонала, обращая часть его на приобретение акций. Так South Metropolitan Gas C-у, начиная с 1894 года, стало выдавать половину отчислений деньгами, а половину акциями, в результате чего уже в 1920 году 5.400 рабочих и служащих владели акциями на 425.000 £, не считая тех 70.000 £, на которые рабочие и служащие добровольно подписались; 7 проц. голосов в общем собрании общества принадлежало рабочим и из десяти членов Правления трое было из их среды. South Metropolitan Gas C-у ⁶⁾ достигло заинтересования рабочих в предприятии, последние стали его участниками, но успех обязан тому, что при видимости возмездности отчуждения на самом деле оно было безвозмездным (поскольку речь идет о 425.000 £). Данные рабочим акции составляют их частную и индивидуальную собственность, при чем акции давались только постоянным рабочим, проработавшим известный срок, что дало Буассару (Boissard, prof. à la Faculté libre de droit) основание предсказать, что антагонизм между хозяином и рабочим заменится антагонизмом между рабочими, участвующими и неучаствующими в предприятии. Пример Au Bon Marché в Париже может служить этому решительным подтверждением. ⁷⁾ Торговый дом, раньше составлявший единоличную собственность Aristide Boucicaut со временем превратился в командитное товарищество с капиталом в 20 миллионов франков, акции коего принадлежали старо-служащим и бывшим служащим: новые же служащие первые пять лет службы в барышах вовсе не участвовали, а через пять лет начинали участвовать, но в размере, не определенном наперед, а назначаемом индивидуально, т. е. иначе говоря, начинали получать наградные. 1 Августа 1920 года командитное товарищество превращается в акционерное общество с капиталом в 64 мил. фр., при чем право подписки принадлежит только бывшим участникам товарищества, т. е. старым и бывшим служащим, а новые оказываются их наемниками. Одаренные Аристидом Бусико его бывшие сотрудники становятся на его место пол-

³⁾ Albert Trombert. La participation aux bénéfices. Paris 1921.

⁴⁾ Daniel Laguerre. Société anonymes à participation ouvrière. Paris. 1920.

⁵⁾ Albert Trombert. La participation aux bénéfices. Paris 1921.

Profit-sharing and labour co-partnership. Ministry of labour. Report on prof. — sh. and labour co-partnership in the Un. Kingdom. 1920.

⁷⁾ A. Trombert, цит. соч.

ными хозяевами предприятия, противопоставляя себя в качестве капиталистов наемным служащим, продающим им свой труд, и следовательно на лицо условия для возникновения «нового» антагонизма.

Если при ближайшем рассмотрении безвозмездность отчуждения оказывается мнимой, как в выше указанных двух классических примерах, то можно будет признать действительно возмездными отчуждениями только приобретение акций рабочими на общих коммерческих основаниях, приобретение же акций своего предприятия редкое исключение, как мы уже говорили, а потому возмездное отчуждение общего и решающего значения иметь не может.

Безвозмездное отчуждение производственного капитала (или некоторых прав, связанных с его обладанием) бывает добровольным, т. е. дарственным или же насильственным. Добровольное или дарственное отчуждение вызывается или филантропическими побуждениями хозяина или желанием привязать к себе и к своему предприятию служащих и рабочих по крайней мере — что чаще — часть их. Статистика убеждает в том, что количество производственных хозяйств добровольно произведших отчуждение, — ничтожно по сравнению с общим количеством хозяйств. Полагаясь на добровольное отчуждение, пришлось бы очень долго ждать ощутительных не для отдельных предприятий, а вообще для промышленности результатов, а потому понятно возникновение помыслов об отчуждении насильственным. Такое бывает легальным, как во Франции (закон от 9 Сентября 1919 года и 29 Октября 1921 г.) или захватническим, как в 1917-1918 году в России и в 1920 году в Италии.

Убедительным образом юридически обосновать отчуждение части капитала (или прав, с обладанием им связанных) — невозможно, но в этом и нет надобности — достаточно доказать его целесообразность. Такой оборот мысли вовсе не новость, когда речь идет об улучшении положения рабочего в производстве. Достаточно вспомнить, что в европейских законодательствах об обеспечении потерпевших от несчастных случаев не потерпевший должен доказывать вину предпринимателя, а предприниматель — свою невинность, что идет в разрез с общими нормами права — этого требует целесообразность.

До сих пор мы говорили об антагонизме, т. е. противоречии экономических интересов хозяина и рабочих и констатировали, что антагонизм вполне не устраняется путем частичного отчуждения капитала в пользу рабочих, а устраняется лишь в такой мере, в какой произведено отчуждение и притом независимо от природы последнего. Но отношения между хозяином и рабочими определяются не только их экономическими интересами в производстве, но и душевным состоянием живых производственных элементов. В антагонизме интересов легко зарождается и произрастает классовая ненависть, столь сильно ученная и использованная вождями социализма. Если и частичное отчуждение производственного капитала в пользу рабочих не в состоянии устранить антагонизма (вполне), то все же, при известных условиях, оно может смягчить отношения между хозяином и рабочими. Именно это побуждает некоторых хозяев идти на отчуждение части своего капитала (или некоторых прав, с обладанием им связанных), но именно это и вызывает отрицательное, порою даже враждебное отношение социалистических вождей к мерам этого рода.

«Это движение», говорит I. W. Sullivan («of the International Typographical Union, General lecturer for the American Federation of Labour) «отталкивает от синдикализма, который воспрещает контакт с работодателем и преследует общую забастовку, имеющую привести к коммунистической системе внутри анархического общества.»⁸⁾

Как и можно было ожидать и как подтверждается опытом, природе отчуждения принадлежит решающее значение — отчуждение только тогда достигает смягчения отношений между рабочими и хозяином, когда оно произведено добровольно. По мотивам целесообразности приходится отказаться от принудительности, а между тем добрая воля со стороны хозяев пока еще настолько редкое исключение, что видеть ныне в ней рычаг, годный для разрешения социального вопроса — конечно невозможно. В таком случае — что же делать? На этот вопрос мы ответим в общей форме в заключительной части нашей статьи.

! В некоторых случаях (напр. South Metropolitan Gas C-y) как мы видели в пользу

⁸⁾ Profit sharing by American Employers. A report of the Profit Sharing Departement of the National. Civic Federation 1921.

рабочих отчуждается часть производственного капитала, причем рабочие владеют им подобно всем прочим акционерам или с некоторыми ограничениями: владеют до тех пор, пока состоят рабочими данного предприятия, имеют право продавать свои акции только рабочим же и т. д. Но чаще отчуждается не самый производственный капитал, а только лишь некоторые права, с обладанием им связанные. К такого рода схемам относятся те, что ныне привлекают к себе больше всего внимания, а именно схемы, известные под собирательным именем «участия труда в прибылях», «участия в управлении» и «участия в прибылях и в управлении».

1. Участие труда в прибылях. По определению Charles Robers, anc. Président de la Société pour l'étude pratique de la participation du personnel dans les bénéfices, «участие в прибылях — явный или молчаливый договор, согласно которому сверх нормальной заработной платы хозяин уделяет часть своих прибылей, без участия рабочего в убытках».⁹⁾

Количество предприятий с участием труда в прибылях ничтожно. Так например, во Франции, в 1922 году их было 75, с 102.000 раб., из коих 62.000 приходилось на Орлеанскую железную дорогу.¹⁰⁾ В число этих 75 предприятий входят 27, не гарантировавшие участия в прибылях письменным обязательством, и при том в 25-ти размер участия ежегодно устанавливался хозяином по его усмотрению. В 58 случаях из 75 рабочие не имели возможности контролировать расчета их долевого участия. Распределение причитающейся рабочим доли прибылей между индивидуумами часто производилось по усмотрению хозяина. Следовательно, вообще можно сказать, что получение доли прибылей часто имело скорее характер наградных, чем «участия труда в прибылях» в строгом смысле этого термина. В Англии таких предприятий было в 1920 — 182, в С.Ш.А. — 80 (в том числе Ford, Edison и др.), в Германии — 46 и Бельгии — 5 (в том числе Delhaize).

Многие из суждений, относящихся к мероприятиям, включающим отчуждение в пользу рабочих части производственного капитала (или некоторых прав, связанных с обладанием им), приложимы и к «участию труда в прибылях» — мы не будем их повторять, но дополним их некоторыми отзывами американских промышленников и рабочих, приведенными в докладе The Profit Sharing Department of the National Civic Federation 1921 г.). Обе стороны констатируют, что «участие в прибылях» нарушает устойчивость бюджета рабочего. Если служащий получал 1000 долл. жалованья — говорит доклад — а в конце года ему было выдано вследствие установления profit sharing'a 200 долл., то он сразу повышает уровень жизни до 1200 долл., а если на следующий год предприятие не дало прибылей, то в бюджете служащего образуется дефицит в 200 долл.

Участие служащего в прибылях должно непременно сопровождаться приобщением его к владению предприятием (т. е. приобретением им акций), так как иначе служащий, заинтересованный не в прочности и долговечности предприятия, а в прибылях во время его службы, будет стремиться к вовлечению предприятия в операции, быстро приносящие прибыль, но разорительные (в области горного дела, например, в хищническую разработку месторождения полезного ископаемого — прим. авт.), но по справедливому замечанию D-r Charles W. Eliot (President Emeritus Harvard University) обращение доли прибылей на приобретение акций может привести к сильной заинтересованности скорее старших служащих, чем рабочих.

Из отзывов хозяев особенно заслуживают внимания следующие:

1. Рабочие смотрят на «участие в прибылях» только, как на способ увеличения заработка, извращая этим его основную идею.

2. В соответствии с таким отношением рабочих к «участию в прибылях» они предпочитают увеличение тарифов «участию в прибылях».

3. Понижение суммы, выдаваемой в качестве «участия в прибылях» в связи с уменьшением прибылей предприятия, вызывает раздражение среди рабочих.

В свою очередь рабочие отмечают:

1. что установление «участия в прибылях» сопровождается понижением тарифов,

⁹⁾ Alb. Trombert. La partic. aux benefices. 1921.

¹⁰⁾ Alb. Trombert. Guide pratique pour l'application de la participation aux benefices. 1922.

2. что в предприятиях с «участием» рабочие в результате зарабатывают столько же, как в обыкновенных, но размер заработка подвергается колебаниям в зависимости от прибылей предприятия, и потому рабочие не знают, на какой заработок они могут рассчитывать. (Участие труда в прибылях может применяться только в предприятиях устойчивых и с постоянными прибылями, (прим. автора).

К выдаче доли участия акциями рабочие относятся тоже отрицательно, замечая, что в рабочих, приобретающих интерес к бирже, развивается инстинкт игрока.

2. Участие труда в управлении.

«Хозяин, обладая машинами и организуя производство, эксплуатирует рабочего» — такая схема производственных отношений многим кажется извращенной. Царь природы не может быть объектом эксплуатации, в производстве объектом эксплуатации служит машина, а рабочий и хозяин сосубъекты эксплуатации (Таль) — из такого воззрения проистекает гуманитарное обоснование «участия труда в управлении».

«Какое противоречие — в стране республиканской с общим избирательным правом желать поддерживать абсолютную монархию на заводе» (Millerand, Chambre des Députées, séance du 2 III 1920).

«В эволюции государства мы прошли от абсолютизма, при котором властелин один решает, к ограниченной монархии, в которой власть разделена между ним и народным представительством, потом к республике, в коей вся власть передана народному представительству. Этому пути аналогичен путь, который должна пройти организация предприятия» (Bauer)¹¹⁾.

В этих цитатах мы видим демократическое обоснование «участия рабочих в управлении», а в нижеприведенных словах М. С. Cramp'a — обоснование социалистическое: «таким образом приобретенный железнодорожниками опыт безмерно ценен в отношении их подготовки к взятию на себя в надлежащий момент управления железными дорогами.»¹²⁾

Не допуская, по причинам экономическим и другим, организации производства на социалистических основаниях, мы не можем разделять взглядов Cramp'a, но должны отметить искренность и определенность социалистического подхода к «участию труда в управлении» в противоположность демократическому подходу, в коем, как мы увидим, лицемерие или наивность переплетаются с половинчатостью.

Инициатива демократизации фабрики исходила от отдельных хозяев, от коллективов владельцев и от правительственной власти.

Среди первых особенно замечателен John Leitch, называемый *apostle of Industrial Democracy*, установивший в 1912 г. эту систему в своих мануфактурах.¹³⁾ В этой системе, построенной, по уверению ее автора, на основе *Federal Government*, «палата» представляет рабочих, «сенат» — служащих, (*foremen and minor executives*), а «кабинет» состоит из *executives officials*. Все эти «демократические» учреждения — совещательные, решающее же слово принадлежит хозяину. Эту систему прозвали «*The United States Government*» *type* повидимому, имея в виду сильную и независимую власть Президента Штатов — тогда как на самом деле эта система скорее может быть сравниваема с той системой государственного управления, что имелась в виду в проектах Булыгина.

В системе Leitch наиболее формально выразилось стремление к демократизации фабрики, путем заимствования образцов из сферы государственного управления. При явных признаках увлечения внешним видом парламентской конструкции, на самом деле отношение между живыми элементами производства построено на той же основе, как на фабриках, принявших систему заводских комитетов. (*Betriebsrat, Works Committees or Shop Councils* и т. д.).

Изучение института заводских комитетов при всем их разнообразии по генезису, организации и практике по странам и по отдельным предприятиям завело бы нас слишком далеко — к тому же я предполагаю знание предмета со стороны читателей — но я ограничи-

¹¹⁾ Dan. Laguerre. Soc. anon. a part. ouvr. 1920.

¹²⁾ P. Lucien-Brun.

¹³⁾ Carroll E. French, Ph. D. The shop committee in the United states. 1923.

ваю себя даже в области критики, давая место только той, что необходима для уяснения преследуемых этой статьей идей.

К ведению заводских комитетов обыкновенно относятся общие для рабочих и работодателей хозяйственные интересы и на них возлагается оказание содействия работодателям в достижении производственных целей (см. § 1 германского закона от 4. II. 1920 о Betr.ebsrat). Таким образом в компетенцию заводских комитетов входят как социальные вопросы, так и экономические и технические.

К вопросам социальным относятся: безопасность работ, санитария, условия найма и внутренний заводский распорядок. Рабочая инспекция безопасности и санитарная инспекция — институты уже давно известные европейской промышленной жизни, в европейской практике в этой области столкновения редки и в них остроты не наблюдается, а рабочая инспекция только помогает администрации осуществлять лежащие на ней обязанности. Напротив, в установлении внутреннего распорядка интересы хозяина и рабочих часто расходятся, в условиях же найма они расходятся почти всегда. Именно к этим последним вопросам проявляется в заводских комитетах больше всего интереса.

Включение экономических и технических вопросов в число предметов ведения заводских комитетов оказалось несостоятельным. При совершенной неподготовленности рабочие проявляют полное равнодушие к организации производства и сбыта, интересуясь ими лишь постольку, поскольку, получая сведения о ходе предприятия, они могут их использовать в борьбе за свои интересы, между тем именно против открытия карт противнику восстают хозяева и именно в этом направлении законодатель ограничивает право рабочего на контроль, не допуская легализации шпионажа в лагере хозяев (см. германский закон от 4-II 1920 и особенно последние законодательные ограничения.¹⁴⁾

Так в общих чертах определяется круг действительных интересов заводских комитетов и вообще и в частности в Германии, местные же особенности промышленной жизни в некоторых странах вносят свои *couleurs locaux*. Так например, в С.Ш.А. заводские комитеты сверх того уделяли много внимания страхованию жизни и инвалидности (как известно, в С.Ш.А. закон не обеспечивает рабочих в отношении несчастных случаев и инвалидности), а также спорту и отдыху: в 1920 году обсуждение касалось спорта и отдыха в 36,5 случаях из 100, страхования в 17, тогда как тарифов и условий найма только в 13 случаях из 100 и безопасности и санитарии в 10,5.¹⁵⁾

Все же и эта локальная особенность подтверждает общее правило — вопросы социальные составляют истинную и живую сущность заводских комитетов.

Среди социальных вопросов тарифы и условия найма привлекают особенное внимание, т. к. именно в тарифах и условиях найма особенно остро сказывается антагонизм интересов рабочих и хозяев (при обсуждении этих вопросов заводской комитет фактически превращается в согласительную комиссию), но право ведения заводскими комитетами этими наиболее насущными вопросами оспаривается профессиональными союзами, видящими в заводских комитетах своего конкурента, и порою ограничивается законодателем, почитающим профессиональные союзы более сильным защитником рабочих интересов, чем заводские комитеты — германский закон позволяет заводским комитетам заключать договор с хозяевами только за отсутствием профессионального союза, а в Англии, где учреждение заводских комитетов факультативно, они не распространены на рудниках, на металлургических и механических заводах и в бумаго-ткацких мануфактурах, т. е. в крупной промышленности, где именно сильны Trade Union'ы.¹⁶⁾ Таким образом жизнь отводит заводским комитетам второстепенное место.

Оценка заводских комитетов, как института, смягчающего отношения между рабочими и хозяевами, довольно пестрая. Мы уже говорили о ревнивом к ним отношении профессиональных союзов, — иногда под их влиянием рабочие бойкотируют выборы в заводские комитеты (на заводах Круппа в Рейнхаузене в 1922 г. воздержалось от участия в выборах 89 проц.),

¹⁴⁾ Prof. D-r Heinrich Hoeniger und D-r Emil Wehrle. Arbeitsrecht. Sammlung der reichsgesetzlichen Vorschriften zum Arbeitsvertrage.

¹⁵⁾ Carroll E. French.

¹⁶⁾ P. Lucien-Brun.

а иногда, заполняя весь состав комитета деятелями союзов, последние подчиняют его своему влиянию. Что же касается хозяев, то в некоторых случаях они свидетельствуют об установлении отношений man to man (на некоторых заводах С. Ш. А.¹⁷⁾, а иногда жалуются или на их бессилие или на их воинственность: если рабочий комитет по составу умеренный, он мог бы послужить умиротворению, но тогда на него нападают крайние элементы и он теряет авторитет, если же крайний, то он только обостряет отношения, служа лишним инструментом борьбы (в Гамбурге в 1922 г. коммунисты захватили 82 места из 146). Такая же картина была и в России во время революции: комитеты умеренные по составу подвергались натиску крайних элементов и обвинениям их в подкупленности («продались капиталистам») и были принуждаемы к отказу от своих полномочий, а иногда над ними производились такие же насилия, как над лицами администрации («Треугольник» в Петрограде). —

«Участие в управлении» так же, как и «участие в прибылях» достигает цели — смягчения отношений между хозяевами и рабочими — при условии добровольности его установления, возникшие же в принудительном порядке заводские комитеты, часто лишь повышают наступательный тонус рабочих. Ни в одной стране законы о заводских комитетах не давали рабочим решающего голоса в управлении предприятием (кроме большевицкого декрета), но самый факт принудительного водворения представителей рабочих в управлении создавал — и особенно у нас в России при слабом правовом развитии населения и в условиях революционного угара — иллюзорное представление о какой-то приобретенной власти. В результате, как правило, заводская атмосфера еще более насыщалась проповедуемой социалистами злобой и ненавистью.

Стоя очень дорого (например, по расчетам управления Германской Железной Дороги, комитеты обходятся в 200.000 часов в месяц, оплачиваемых рабочим, не считая расходов по содержанию комитетов и по переездам их членов,¹⁸⁾ заводские комитеты, возникающие в принудительном порядке достигают не желательной, а прямо противоположной цели.

До сих пор мы имели в виду «участие в управлении» в том узком смысле этого выражения, что конкретно представлен в институте заводских комитетов, тогда как иногда под «участием в управлении» понимается участие представителей рабочих в центральных органах руководства промышленностью или отдельными ее ветвями. Такому широкому пониманию «участия в управлении» соответствуют учрежденные в Англии в 1919 году национальные и районные советы по отраслям промышленности и в Германии в 1920 году районные советы (Bezirkswirtschaftsrat). В Германии районные советы учреждены на основании закона от 4. II. 1920, а в Англии они возникли в порядке частной инициативы. В Англии в январе 1919 года национальные и районные советы были организованы в девятнадцати ветвях промышленности, обнимая 2 миллиона рабочих, а в октябре того же года уже в сорока шести с 2,5 мил. рабочих, тогда как всего лиц живущих наемным трудом (salarieds) было в промышленности 16 милл. При этом примечательно, что заводские комитеты существовали в то же время только в девяти отраслях промышленности и только в тысяче предприятий. В Англии сближение хозяев и рабочих наметилось скорее в высших центральных органах, чем в низших заводских. Попытка к приобщению рабочих к управлению промышленностью в его центральных органах была произведена и у нас в России в эпоху Временного Правительства. Так, например в Совете Монотопы (Государственной Монополии Торговли Топливом) были введены представители рабочих в равном числе с представителями хозяев. Очерк отношений между обеими фракциями Совета вообще не простых, а в условиях революционного угара осложненных привходящими обстоятельствами, завел бы нас слишком далеко, почему мы скажем коротко:

Участие представителей рабочих в центральных органах, вообще говоря, может содействовать сближению, взаимному пониманию хозяев и рабочих вождей и вообще установлению с отношений «man to man» между высшими представителями производственного капитала и труда, понижая температуру производственной атмосферы. Но к сожалению часто такого рода центральные органы или превращаются в никому не нужные говорильни бюрократического

¹⁷⁾ National Civic Federation. 1921.

¹⁸⁾ P. L.-Brun.

характера (это при умеренных рабочих представителях и отсутствии обострений в промышленной жизни) — или, напротив, они вырождаются в бурные парламенты с пылкими речами и горячими схватками, служа вящему возбуждению рабочих масс и раздражению хозяев. Отношение же рабочих к этим органам часто может быть охарактеризовано выше приведенными словами Крампа, в наших же революционных условиях 1917-18 года органы такого рода определенно вели к обучению рабочих вождей промышленниками науке хозяйствования и к подготовке их к взятию в свои руки высшего управления промышленностью.

3. Участие труда в прибылях и в управлении. Этого рода участие труда во владении предприятием нашло наиболее конкретное выражение во Франции, в так называемых Sociétés anonymes à participation ouvrière. На первый взгляд может показаться, что участие труда в прибылях и в управлении есть сумма участия труда в прибылях и участия труда в управлении, но такое представление было бы неверным, т. к. самое участие в управлении приобретает иной характер при одновременном участии и в прибылях и в управлении. В качестве обладателя actions de travail труд оказывается совладельцем предприятия Société anonyme à participation ouvrière и в качестве такового и соуправителем его. Участие же труда в управлении, осуществляемое при помощи заводского комитета, как не вытекающее из совладения предприятием, неизбежно имеет любительский характер, поскольку заводской комитет занимается обсуждением вопросов технического и экономического характера, в сущности прямо рабочих не касающихся. При обсуждении же условий найма и иных вопросов прямо затрагивающих интересы рабочих, заводской комитет правильнее рассматривать, как уже отмечалось, не в качестве органа управления, а в качестве «согласительной комиссии». Société à participation ouvrière не то же самое, что Общество, выдающее долю своих прибылей рабочим и вместе с тем организовавшее в своих предприятиях заводские комитеты, — я повторяю, в Sociétés anonymes à participation ouvrière труд — совладелец предприятия. Эта французская схема существенно отличается также и от той английской, что предусматривает завладение рабочими производственным капиталом (в привилегированном или в коммерческом порядке), как например, в South Metropolitan Gas С-у. По английской схеме совладельцами предприятия оказываются рабочие (индивидуумы), а по французской труд (в абстрактном смысле этого слова), представляемый коллективом рабочих. В этом не только формальное, но и существенное различие между английской и французской схемами.

В английской схеме пролетарский или, как говорят большевики, рваческий взгляд рабочего на предприятие с приобретением им акций общества в личную собственность может смениться совладельческим, во французской же системе при сложности отношений между рабочим и владеющим трудовой долей производственного капитала кооперативом с одной стороны, а с другой — между кооперативом и акционерным обществом, совладение предприятием представляется нереальным, получаемая рабочим доля прибылей оказывается случайным подарком, а влияние рабочих на управление при обладании 25 проц. голосов на общем собрании акционерного общества — эфемерным.

Об отношении хозяев к участию труда в прибылях и в управлении лучше всего говорят цифры ¹⁹⁾ — на основании закона от 26 Августа 1917 г. по данным 1923 года было образовано до 1920 года 10 акционерных обществ с participation ouvrière из коих 2 не конституировали кооперативов в требуемый срок, а 3 ликвидировались, ²⁰⁾ а об отношении представителей труда говорит ниже приведенная выдержка из речи Жореса, ²¹⁾ произнесенной им по поводу внесения Брианом в 1909 г. в Палату Депутатов законопроекта об учреждении акционерных обществ с участием рабочих:

«... Рабочие, только общим усилием могущие завоевать свободу, не захотят, чтобы рабочий класс был разделен на столько групп, сколько имеется заводов. Эти группы стали бы

¹⁹⁾ Ministère du Travail-Enquête sur la participation aux bénéfices. Paris. 1923.

²⁰⁾ Впоследствии (9 сентября 1919 года) был издан закон согласно которому новые рудничные концессии могут даваться только акционерным обществам с участием рабочих. На основании этого закона, т. е. в принудительном порядке, участие рабочих было введено в уставы 51 горно-промышленного общества (по данным 1923 г.).

²¹⁾ Jaurès. «L'Humanité», 29 Mai 1909. Цит. по Daniel Laguerre.

соперничать. Рабочие смогут принять только такую схему, которая легально и социально передала бы трудовые акции целой корпорации рабочих и всему рабочему классу... Весь пролетариат в совокупности должен быть привлечен к коллективной собственности».

Приступая к анализу мероприятий, имеющих устранить антагонизм между трудом и капиталом при условии сохранения частно-хозяйственной организации производства, я указал на заведомую недостижимость поставленной цели — антагонизм неустраним в этих условиях — а самый анализ, полагаю, подтвердил правильность предпосылки.

В этих условиях вполне естественны поиски других путей для разрешения конфликта между капиталом и трудом — если антагонизм между капиталом и трудом не устраним, то нельзя ли разрешить столкновения между ними путем государственного вмешательства? Государственное регулирование отношений между капиталом и трудом вовсе не ново, как это представляется некоторым апостолам фашизма и поклонникам Муссолини — оно имеет свою длинную и сложную историю. Мы оставим, однако, историю в стороне, а ограничимся только несколькими замечаниями по адресу государственного регулирования.

Основанием для государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом служит презумция обязанности государственной власти защищать подавляемые или угрожаемые интересы рабочего, потребителя и нации²²⁾ поскольку они признаются неспособными к самозащите. В отношении безопасности работ, санитарии, обеспечения потерпевших от несчастных случаев, трудовой инвалидности и вообще законодательного социального обеспечения государственное вмешательство вполне одобрено практикой, напротив возможность вмешательства в конфликты между капиталом и трудом, относящиеся к условиям найма, всегда вызывала и продолжает вызывать сомнения.

Если в возникшем конфликте решение государственной власти не удовлетворяет рабочих, то власть обыкновенно не в силах принудить их вернуться к труду. Быть может «любители сильной власти» вспомнят о порках и расстрелах, но в свою очередь им можно напомнить о широком масштабе современных стачек и забастовок, с которыми справляться террором и физическим насилием просто невозможно.

Если, напротив, неудовлетворенной стороной оказались хозяева, то власть может прибегнуть к насилию, но цели таким путем все же она не достигнет — насилия над хозяевами привели бы к разгрому промышленности, а может быть повлекли бы за собой и секвестры предприятий во избежание их остановки.

Против насильственных приемов разрешения конфликтов между хозяевами и рабочими можно выдвинуть и более глубокие возражения, но мотив нецелесообразности мне кажется достаточным.

Государственное регулирование отношений между капиталом и трудом возможно только при условии готовности сторон подчиняться решениям власти, что в свою очередь возможно или в моменты народных бедствий, когда вообще все население сплочивается вокруг власти и проявляет готовность солидарно следовать всем ее велениям, или в моменты национально-строительного энтузиазма при исключительной популярности народного вождя, т. е. вообще лишь в условиях чрезвычайных. В противном случае речь может идти только о необязательном для сторон посредничестве власти,²³⁾ когда власть лишь старается склонить стороны к соглашению.

Власть, принимающая на себя обязательный для сторон арбитраж, вместе с тем принимает на себя тягчайшую ответственность. Власть, устанавливающая размер заработной платы, принуждена устанавливать и продажные цены на товар и даже обеспечивать его сбыт. Вместе с тем власть должна быть готова к секвестру предприятий, остановка коих в видах общего блага (обороны, снабжения населения и т. д.) недопустима. Таким образом государ-

²²⁾ Защита государством интересов хозяина (сверх защиты прав собственности), имевшая место еще столь недавно в европейских странах, ныне сведена до минимума, переходя уже в область предания.

²³⁾ Мы все время имеем в виду не конфликты, вытекающие из неисполнения договоров между трудом и капиталом, а конфликты, возникающие из за разногласий в отношении установления тех или иных условий найма.

ственная власть вовлекается на путь монополизации торговли и даже производства, как это было во многих государствах во время европейской войны. Принятие властью на себя ответственности снимает ее с плеч хозяев — хозяева оказываются в положении безответственных распорядителей своих предприятий, т. е. создается положение вещей еще более нетерпимое в отношении экономической целесообразности, чем прямое государственное хозяйствование. Блестящей к этому иллюстрацией может служить практика Государственной Монополии Торговли Топливом (Монотопа) в 1917-18 годах.

Практика показывает, что, даже выступая с необязательными для сторон предложениями, власть все же фактически принимает на себя нелегкую ответственность — примерами могут служить субсидии Болдвина углепромышленникам в 1925 году и жестокие нападки на него же в мае 1926 года по поводу вмешательства правительства в общую забастовку.

Может показаться странным, что столько положено инициативы, изворотливости ума, энергии, настойчивости, труда и столько произведено опытов и все-же не достигнуто положительных результатов. Хотя-бы одна какая-нибудь схема оказалась действительной и приемлемой, чтобы, уцепившись за нее, на ее основе построить план организации производства в третьей России.

Основная причина неудачи попыток к устранению антагонизма между капиталом и трудом при условии сохранения капиталистической организации производства, как мы видели, лежит в том, что вообще говоря, этот антагонизм неустраним. Устранима только злоба и ненависть, коими пропитана производственная атмосфера, но и то только в случае, если мероприятия, преследующие смягчение отношений между живыми элементами производства производятся добровольно, а не насильственно.

Государственное регулирование отношений между капиталом и трудом также оказывается приемлемым и действительным лишь постолько, поскольку стороны проявляют готовность подчиниться решениям власти, не прибегающей к насилию. Повидимому, вообще социальные отношения в производстве не терпят никакой пресловутой извне, в отношениях между производственными живыми элементами слишком заметное место принадлежит чувству, психологии, предубеждениям... и вообще человеческой душе, чтобы от применения методов механической обработки этих отношений можно было бы ждать чего-нибудь путного. В цивилизованных странах старые законы, регулирующие отношения между супругами, в значительной мере уже забыты и во всяком случае сфера вмешательства власти в эти отношения в связи с ростом культурности населения очень сужена. Кажется, что пора теперь думать не столько о вульгарных методах механического втискивания отношений между хозяином и рабочим в те или иные формальные рамки, а скорее о поднятии культурности этих отношений, вспоминая замечательные слова Montesquieu (*De l'Esprit des Loix*). «Когда хотят изменить нравы и приемы, не надо прибегать к закону — это показалось бы слишком тираническим — лучше их заменить другими нравами и другими приемами».

Этот путь более долгий — но единственно действительный.

Закончив критический очерк и наметив в нескольких словах путь к социальному миру, я попытаюсь трассировать его более определенно в соответствии с укладом русской жизни в Новом Средневековии и с характером деятельности государственной власти в Третьей России.

Для государства Нового Века характерно чрезвычайное развитие деятельности публичной власти в области материальной при усиливающемся равнодушии к религиозно-моральной жизни населения, доходящем порою до полного от нее отчуждения.

Государство стремится проникнуть в хозяйственную деятельность населения, вмешивается во все хозяйственные отношения между людьми, подчиняет всю хозяйственную жизнь своему контролю, само принимается за хозяйствование, порою присваивает себе исключительное право на хозяйствование в какой-нибудь специальной сфере и даже стремится к полной монополизации хозяйствования.

Государство стремится все и вся регламентировать, достигшее невероятного развития положительное право решительно преобладает над правом идеальным, чудовищно нарастающее законодательство, выдвигающее на первый план материальный момент и безжалост-

но игнорирующее момент духовный, позитивизирует всю жизнь, все отношения между людьми и преумножающиеся томы законов, указов и правил убедительнее всего говорят, как о безумной самоуверенности правителей и парламентов, так и о тщетности стремления превратить одухотворенного человека в подобие велосипеда. Поставив своею целью освобождение человека, Новый Век привел к уничтожению личности.

Государство Нового Средневековья и прежде всего Третьей России мыслится совсем иным; не материальный прогресс, а духовная культура будет освещающим его путь идеалом, не регламентация хозяйственной деятельности и хозяйственных отношений будет его целью, а поднятие культурного уровня населения и в частности живых элементов производства и их взаимоотношений.

Материальная деятельность будет жива, пока жив человек, но она должна входить преимущественно в сферу интересов человека, государство же должно в нее проникать лишь в мере действительной необходимости. Государство должно делать то, что частные лица делать не могут и что нужно для общего блага. Государство обеспечивает внешнюю безопасность и внутренний порядок, оно осуществляет правосудие, обеспечивает правильное денежное обращение и прежде всего заботится о культурном развитии населения—министерство Народного Просвещения не последнее по списку министерств, а первое, как осуществляющее первейшую обязанность государства. В соответствии с культурным назначением христиански морального государства оно должно прежде всего пещись о воспитании юношества на основе Добра и об обличении среди взрослых тех учений, что проповедают злобу и ненависть. Антагонизм интересов хозяина и рабочего не устраним, но, как хозяева, так и рабочие должны быть воспитываемы в духе взаимной терпимости и доброжелательства. Кому много дается, с того много и спрашивается и хозяева должны быть приведены к убеждению, что они по собственной инициативе должны принимать те меры, что благоприятствуют заинтересованию рабочих в успехе предприятия, что ведут к превращению объекта эксплуатации хозяином в со-суб'екта эксплуатации машины и что способствуют установлению благожелательных отношений между живыми элементами производства. Воспитание хозяев и рабочих требует много времени и оно вполне достигнет цели быть может лишь тогда, когда волки и овцы будут вместе и мирно пастись на одной лужайке, но благие результаты воспитания скажутся гораздо раньше, и во всяком случае раньше, чем прибегая к законодательному насилию — принудительные меры к примирению хозяина и рабочего цели не достигнут никогда.

Отношения между ними должны быть основаны не на предписываемых законом мерах, а на добровольном между ними договоре. Коллективный договор должен стать краеугольным камнем организации производства, устанавливая не только тарифы, но и правоотношения хозяев и рабочих. Коллективный договор, в котором хозяева и рабочие участвуют как равные стороны морально возвышает рабочего и укрепляет его положение как суб'екта, а не орудия производства. Уже короткий опыт организации производства на основе соглашения хозяев и рабочих в России даже в ненормальных условиях эпохи Временного Правительства и первых месяцев после октябрьской революции дал возможность убедиться в возвышающем душу рабочего значении встречи «man to man» и переговоров с рабочими, как с равной стороной — самая процедура переговоров оказывает глубокое воспитательное влияние, а тем более исполнение договора, как об этом убедительно свидетельствует долголетняя европейская практика. Коллективный договор — прекрасное средство умиротворения фабрик, но только при известном уровне культурности хозяев и рабочих, последовательное же и настойчиво проводимое воспитание, на основе христианской морали, лучше всего подготавливает к успешному применению этого инструмента в организации производства.

Автономность производственной жизни и ограниченность функций государственного управления, сосредотачивающего свою энергию главным образом на задачах культурных, как нельзя больше отвечает тому положению, в котором окажется Третья Россия. На государственной власти будут лежать труднейшие задачи по установлению и поддержанию нового порядка, по установлению отношений с внешним миром в соответствии с этим новым порядком, по укреплению денежной системы и в особенности по воспитанию населения, а мы уже гоорили к тому же о неперемнной скудости государственных средств — в таких условиях

государственная власть будет принуждена ограничивать свои функции. Вместе с тем мы уже говорили о направлении внешней финансовой помощи. Она будет оказана главным образом частной инициативе, и тем шире, чем большей свободой будет пользоваться частная хозяйственная деятельность. Скорее всего эта помощь придет из Америки и для ее развития нужны те условия, к которым привык американский промышленный либерализм. Мы напомним в частности, что англо-саксонский подход к рабочему вопросу проникнут духом свободы и враждебности правительственному вмешательству и что в англо-саксонских странах, в противоположность Франции и Германии, участие рабочего в управлении предприятием и в прибыли развивается за счет частной инициативы. Я хочу всем этим сказать, что внутренние условия и внешняя обстановка будут благоприятствовать удержанию деятельности государственной власти в тех рамках, что указаны ей историей для момента вступления России в эпоху Нового Средневековья.

Путь к социальному миру проходит не через законодательное насилие, а через воспитание живых элементов производства в духе терпимости и благожелательности.

О. Сарматов.